

АНДРЕЙ
ЖДАНЬ

ПАНИКА

КОГДА ПРОТИВ ТЕБЯ ВЕСЬ ГОРОД,
ПАНИКА — ТВОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ СОЮЗНИК

Криминально-психологический роман

Андрей Ждань

Паника

«ЭКСМО»

2021

Ждань А.

Паника / А. Ждань — «Эксмо», 2021 — (Криминально-психологический роман)

Ты приходишь в себя, открываешь глаза и видишь рядом труп. И все указывает на то, что убийца – ты. Выход один – бежать. Бежать до тех пор, пока не разберешься в произошедшем. Пока не поймешь, как тихое и безмятежное утро закончилось убийством незнакомого человека, и почему эти события напрочь стерты из памяти. Город мобилизован на поиски преступника. Расследования ведут опытные детективы. Они гонятся по его следам, все глубже погружаясь в череду непредсказуемых событий. Охотникам и жертве предстоит найти себя в новом мире, который уже никогда не будет прежним.

© Ждань А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	19
8	22
9	25
10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Ждань

Паника

1

Паника. Наверное, именно это чувство испытывают люди вроде меня видя тело в луже крови.

Сейчас я мало что понимал, единственным отчетливым ощущением оставалась паника от картины лежащего у моих ног мужчины. От места, где его лицо соприкоснулось с полом расплывалась лужа неестественно красной крови, в ней дрейфовали куски чего-то белесого. Жидкость поглощала швы между грязной бежевой кафельной плиткой, словно визуализированная картина распространения чумы в Европе, иллюстрировавшая исторические фильмы каналов, вроде Дискавери.

Мое дыхание начало сбиваться, паника проникала в глубины мозга липкими, забубренными метастазами вгрызаясь в мое душевное равновесие. Я стоял, пошатываясь, в тщетных попытках осознать произошедшее и понять, что последнее я помню. Это было сложно, потому что шок мешал думать. Меня вряд ли можно в этом винить – когда ты, открыв глаза обнаруживаешь труп, лежащий подле тебя, мыслительные процессы слегка... притормаживаются.

Кстати, а труп ли?

Я аккуратно опускаюсь на колени, и пытаюсь перевернуть мужчину на спину, судорожно вспоминая все полицейские и медицинские сериалы, виденные мною. С гулким звуком мне все-таки удастся перекатить несчастного на спину.

Мне открывается чудовищная картина. От лица фактически не осталось ничего человеческого. Нос вбит в череп, осколки оставшихся зубов частоколом проглядывают из приоткрытого, разбитого рта, ссадины и царапины везде, довершает картину внушительная вмятина в лобной части с рваной кожей, из которой, похоже и сочится основная масса крови с сопутствующим биоматериалом.

Естественно, что подобное зрелище вывернет желудок любому нормальному человеку. Но, я не замечаю даже рвотных позывов. Виной тому, наверное, спокойное и будничное восприятие смерти, установившееся у меня с четырех лет, после того как на моих глазах под прибывающий состав бросилась женщина. Ну, и не стоит сбрасывать со счетов выжигающую могильным холодом панику, затормозившую, кажется, все процессы в моем организме.

Собрав всю волю и отбросив отвращение, я двумя пальцами дотрагиваясь до шеи мужчины. Копируя действия героев телевизионных шоу, я поводил пальцами по еле теплой коже. Ни намек на пульс. Дабы отбросить все сомнения я взял его запястье – тот же результат. Он был мертв.

Решив фундаментальную проблему определения состояния мертвеца, я сконцентрировался на окружении. Я находился в туалете. Две кабинки, два умывальника, два писсуара, дверь и небольшое окно под потолком возле писсуаров. Память начинала возвращаться.

Я пришел в закусочную. «У Эбби» так она называлась. Это место было элементом моего утреннего моциона. Обычно утро у меня начиналось позже, чем у обычных людей, виной тому был свободный график и любовь к работе по ночам. Я прогуливался два квартала к этой закусочной, и, избежав наплыв завтракающих клиентов, наслаждался омлетом и кофе, листая свежие новости или книгу. Потом выкуривал сигарету возле входа, или же в туалете, если погода не располагала к лишнему нахождению на улице.

Так было и сегодня. Или должно было быть.

Мой взгляд скользнул мимо разбитой головы моего нового знакомого к писсуару. Белый фаянс был в крови и трещинах, нижняя часть была отколота и лежала на полу. Чуть выше, на уровне головы виднелось свежее пятно, запекающейся крови.

Моя паника начала приобретать новые, шокирующие формы. Руки, оказавшиеся в крови, затряслись мелкой дрожью. Кровь. Это от моих попыток нащупать признаки жизни у лежащего, или... Нет, не может быть. Я обернулся, дверь в одну из кабинок была распахнута. Я вспомнил, что сегодня у меня было настроение выкурить обязательную сигарету туалете – все из-за невыносимой духоты, в которую погрузился июльский Сиэтл.

Но, что потом? Что-то произошло. Что-то, результатом чего стал мужчина с разожжённой головой и я, сидящий на коленях возле него, словно в покаянии.

Мысли запрыгали, подгоняемые невероятным количеством адреналина. В туалете были двое... Или трое, или четверо. К черту, так можно продолжать до бесконечности. Исходим из самого простого объяснения. Я был в туалете, туда зашел мужчина, потом пустота и – вот, я гляжу на его обезображенный труп с расстёгнутой ширинкой. Может стоит застегнуть ему штаны, как-то неправильно, если его найдут в таком виде. Но, неведь откуда, взявшаяся брезгливость, гонит от меня этот порыв.

В висках стучит кровь, дыхание учащается до космических скоростей, а руки от дрожи скоро перестанут слушаться. Бритва Оккама. Простое объяснение зачастую самое верное. Я убил этого мужчину. Жестоким и грязным способом, который совершенно претил моему спокойному и миролюбивому характеру, как и сам факт причинения вреда кому-либо. Почему? Зачем? Так много вопросов, так мало ответов. Еще меньше времени.

У меня не было желания давать сбивчивые и пустые объяснения полиции. Тем более, что вся картина говорила сама о себе. Тут сквозь паутину паники и растерянности пробился мой инстинкт самосохранения. Я не могу отправиться в тюрьму. Только не я! Я этого не заслуживаю, черт, я даже не помню, что я сделал.

Но, несмотря на свое пограничное состояние я прекрасно понимал, что подобные аргументы не удовлетворят никого. Они даже меня не удовлетворяли. А значит вариант один – выбираться отсюда, а потом уже думать, что делать.

Я рывком поднялся, выдохнул, на секунду прикрыл глаза. Времени все меньше. Несмотря на то, что я был единственным посетителем на момент своего отлучения в туалет, явно видно, что клиентов «У Эбби» прибавилось. Вопрос был ли мужчина один. Это уже неважно – осталось верить себя в руки судьбы, которая не слишком мне сегодня благоволила.

Стараясь сохранять спокойствие, дабы не выскочить отсюда с визгом и размахивая руками, я подошел к раковине и включил воду. Посмотрев на себя в зеркало, я удовлетворился – восковое бледное лицо с мешками под глазами и пустотой в самих глазах, ничего необычного для меня. Главное, что на лице не было видно следов побоев или схватки, что уже слегка уменьшало количество возможных вопросов на выходе. Я тщательно вымыл, все еще дрожащие, руки. Потом снял кроссовки, за которыми тянулась цепочка багряных следов, и тщательно вымыл их. Бегло оглядев одежду, я с удовлетворением отметил свою прозорливость, из-за выбора темных цветов. На футболке, в месте светлых вставок виднелись несколько пятен крови, но это ничего, за столом я оставил спортивную куртку. По такой жаре она мне была ни к чему, но я думал устроить небольшую пробежку после завтрака. Да, я тот еще спортсмен.

Закончив приведения себя в видимый порядок, я огляделся, стараясь не останавливать взгляд на человеке, возможно убитом мной. Вроде бы ничего не оставил. Аккуратно прокравшись к кабинке, огибая расплзающуюся лужу крови, я бегло осмотрел ее. Так и есть – пачка сигарет лежала на бачке. Схватив ее, я, так же аккуратно прошел к двери и замер.

Я только сейчас осознал гигантскую вероятность того, что кто-то войдет в туалет. До этого я был слишком поглощен оценкой такой вероятности, но сейчас мириады потенциальных вариантов развития ситуации, просто-таки, захлестнули меня. Вдруг мужчина пришел

с компанией, после игры в баскетбол, и они уже утолили жажду апельсиновым фрешем и, теперь выстроились в очередь перед уборной. Или, может он завез перекусить своих престарелых родителей, которые сделали остановку в Сиэтле, по пути в Ванкувер, чтобы повидать единственного, любимого сына. Или... О, господи, вдруг он зашел угостить свою маленькую дочурку молочным коктейлем перед школой.

От этих мыслей в горле стал ком и глаза начали наполняться предательской влагой. Голова закружилась и, словно кто-то, от души, зарядил мне ногой в живот. С трудом я вызвал к первобытному инстинкту самосохранения, который куда-то подевался, в тщетной попытке отыскать хоть одну причину спасения своей, вмиг обесцененной смертным грехом, жизни. Чем дольше я искал, тем большим становилось желание забиться в угол, обнять колени и быть навзрыд, пока сталь наручников не коснется кожи моих запястий.

И лишь одна ускользающая мысль заставила меня двигаться. Я никого не убивал. Пока это не доказано. Все остальное – лишь фатальное, нелепое стечение невероятных обстоятельств. Я рывком открыл дверь, все еще ожидая встретить за ней кого-то, хоть Санту, хоть самого Люцифера – я бы никому не удивился.

За дверью было пусто. Коридор, ведущий в зал закусочной, тускло освещался лампой дневного света, на стене все так же безмятежно висела картинка с котиком, махающим лапой с пожеланием хорошего дня и удачи. Да уж, удача именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Из зала доносилось тихое пение Долли Партон и приглушенный звук беседы.

Я сделал несколько вдохов-выдохов и двинулся вперед.

Столик, занятый мной, находился у окна, прямо напротив кассы. Придя, я бросил спортивную куртку, в кармане которой был бумажник, на сидение, телефон и солнечные очки положил на стол. Там они и находились, прямо возле тарелки с недоеденным омлетом и свежей чашкой кофе, заказанной мной перед злополучной отлучкой в туалет.

Я уверенно, насколько мог, проследовал к своему месту, скосившись, по дороге, в сторону стойки. Там мирно беседовал Рэндалл, сегодняшний повар, обладающий потрясающим умением сжигания всех видов блюд из яиц, и, какая-то, незнакомая мне женщина. Она отпила кофе из чашки и скромно рассмеялась. Никто не обращал на меня внимания, лишь Рэндалл мельком бросил, ничего не значащий взгляд, в мою сторону. Что ж я был постоянным клиентом вот уже последние два года, чем-то вроде элемента интерьера. Ничего, сегодня все изменится.

Я подошел к столу, неловко сгреб куртку и попытался быстро ее натянуть. Естественно, это не вышло, я принялся возиться, пытаюсь попасть рукой в рукав и не поддаваться панике, которая волной цунами двигалась на меня, ускоряясь по мере тщетности моих попыток. Долли закончила петь, заиграл Джон Денвер. «Сельские дороги».

– О, это же моя любимая песня, прибавь немного! – женщина за стойкой игриво рассмеялась и стала тихонько подпевать, виляя бедрами и совершая ритмичные пассы руками в такт песни. Рэндалл направился к проигрывателю, еще раз взглянув на меня. Я, разобравшись, наконец, с курткой и достал из бумажника двадцатку, которую, показав ему бросил на стол. Он кивнул.

Я направился к выходу, бросив последний взгляд на стол. Денвер все уговаривал сельские дороги доставить его домой, это желание резонировало в моей душе как никогда. Но, что-то мне подсказывало, что домой я попаду нескоро. И, из обоймы постоянных посетителей «У Эбби» я, кажется, выпал.

Дверь распахнулась, обдавая меня томным жаром городского лета.

2

Джефффри Рассел стоял на улице. Жаркий летний полдень выедал глаза липкими струйками пота, норовящими попасть в глаза. Он боролся с манящим желанием вернуться в здание, под упругие струи холодного воздуха, разносящих облегчение и непередаваемые запахи места совершения убийства. Последний момент и останавливал его от того, чтобы широко распахнуть дверь и отдать свое уставшее тело, завернутое в серый деловой костюм, во власть чарующего холода.

Он любил костюмы, относился к ним с почтением и считал вершиной мужской моды, но в такие деньки, весь пиетет хотелось променять на легкую гавайку и льняные шорты. К тому же пиджак надежно прикрывал пистолет и запасные обоймы, закрепленные в оперативной кобуре. Многие его коллеги не чурались выставлять на показ табельное оружие, кто в угоду удобству, кто в качестве бравады, но все это было чуждо Джеффу. Он не любил позерства, а такой способ ношения оружия уже давно и на практике определил как оптимальный. Поэтому и платил своеобразную цену за свои привычки и убеждения, особенно в такие жгуче душные дни.

Разглядывая прохожих и проезжающие машины, Джефф жевал зубочистку (еще одна привычка-убеждение, со времен расставания с сигаретами), прикидывая во сколько сегодня сможет попасть домой, к семье. Что-то уж больно затянулась его смена.

Он уже буквально направлялся к своей машине, уже созвонился с Аmandой, которая бегло надиктовала ему список покупок, который он тот же час забыл, как его нагнала Эмили с радостной новостью о срочном вызове.

Собственно его работа здесь уже была выполнена. Место преступления они осмотрели, труп – тоже. Теперь слово за судмедэкспертом. Хотя не нужно быть специалистом, чтобы определить, что парня просто забили до смерти, еще и напав со спины. Впрочем, приехавший Фрэнк, был отличным специалистом. Может хоть он чего скажет об оружии убийства, потому что те выводы, которые сделали они с Эм были слегка... нереальными.

По тому что они видели, получалось что жертва была забита фактически голыми руками, что было бы объяснимо, орудий в Сиэтле Халк, но для обычного человека необходимо определенное сочетание силы, ловкости и умений для достижения подобного результата. Еще и смелость – убитый был немаленькой комплекции, да и судя по его фотографии в водительском удостоверении, не располагал к приятной беседе.

Опросив свидетелей, коих набралось аж два человека, они определили подозреваемого. Хотя, человек, на которого указывали допрошенные не слишком соответствовал картине ни комплекцией, ни поведением при побеге. Если уж на то пошло, свидетели должны были бы тоже отправиться на тот свет, попадись они на глаза столь жестокому убийце. Но, это лишь мысли. Главное – дожидаться заключения экспертов, а уж у них не будет недостатка в материале – наследил их «Халк» предостаточно.

Джефффри прищурился, разглядывая Форд Сандерберд ярко-желтой раскраски с помятым передним крылом, остановившийся на светофоре. Неужели кто-то еще водит эту рухлядь? А ведь, было время, когда Джефф был звездой рассекая на подобной машине по просторам родного Арканзаса. Он улыбнулся, вспомнив школу. Кто знает, куда завели бы его ностальгические воспоминания о былых деньках, которые у квотербека футбольной команды были весьма насыщены, не выдерни его в реальность голос из-за плеча:

Поехали, кажется, наша работа здесь закончена.

Не было нужды оборачиваться, чтобы узнать голос Эмили. За прошедшие четыре года работы с ней он слышал его, едва ли не чаще голоса собственной супруги.

Эмили подошла и стала слева от Джеффа, тщетно силясь уловить точку, на которой сосредоточенно сфокусировался напарник. Сандерберд уехал.

– Держи, купила тебе. – Эмили протянула прозрачный пластиковый стаканчик с трубочкой, в которой, потрескивая искрился лед, остужая ядовитый голубой напиток.

– Решила подорвать мой авторитет? – усмехнулся Джефф, с удовольствием втягивая морозную жидкость. – Я с ним похож на подростка.

– Подростки таким не балуются. – парировала Эм, наслаждаясь таким же пойлом, только неоновом-зеленого цвета, похожим на ядерное топливо из комиксов.

Джефф ощущает терпкий можжевеловый привкус в химических нотках лимонного коктейля. Джин. Вот чертовка! Он многозначительно подмигивает Эмили, ее глаза смеются.

«Мамин Гаторейд» – так она именovala джин, с фляжкой которого не расставалась. «Бодрит, вдохновляет и от забот избавляет» – как-то Эмили даже слоган придумала для содержимого своей фляги. Из преимуществ она еще любила приписывать джину полное отсутствие неприятного запаха после его употребления, но Джефф, ездивший чуть ли не каждый день с ней в машине, мог оспорить это утверждение.

Пойдем в машину. Там хоть кондиционер есть. Я за рулем? – уверенно спросил Джеффри.

Это уже третий. – вместо ответа приподняла стаканчик Эмили.

Кондиционер дал о себе знать лишь после того, как Джефф вырулил на Олив-вэй. Взбодрившись прохладой салона и коктейлем с секретным ингредиентом, Джеффри, выпрямился в кресле и спросил:

Тебя домой?

Да. – ответила Эмили, не разжимая зубами трубочку.

Когда будут отчеты?

Я наберу тебе. Не волнуйся. У тебя же сегодня большой день.

В этой суматохе Джеффри почти забыл, что сегодня у Бена, его сына, день рождения. Теперь понятно, почему голос Аманды был такой раздраженный. Похоже приезд домой опять увенчается ее монологом о роли отца в семье с фирменным «ты так мало бываешь дома».

Надеюсь, ты не опоздаешь? – Джефф требовательно скопился на Эмили.

Прости, не сегодня. – Эм покачала головой. – Опять мама.

Что на этот раз?

По ее словам, синдром Итона-Ламберта.

Мать Эмили жила в Теквиле и славилась умением пользоваться интернетом и повышенной впечатлительностью. Вкупе с засильем свободного времени, это приводило к самовольной постановке диагнозов, выуженных из интернета. После особо запущенных диагностик, Эмили ехала к ней и пыталась убедить в том, что единственное ее заболевание лежит в плоскости психиатрии. Ну, так их беседа виделась Джеффу, который отчасти винил мать Эмили в ее неустроенной личной жизни и, про себя, желал старой карге хотя бы раз не ошибиться.

– О, чуть не забыла! – Эмили поставила стаканчик в подлокотник и полезла в сумочку, откуда извлекла плексигласовый прямоугольник, который передала Джеффу. Тот взглянув на него, присвистнул:

– Робинсон Кано! С автографом! Бен с ума сойдет.

Эмили зарделась.

Пустяки, кое-кто вернул мне должок.

– Знаешь, подаришь ему сама, – Джефф вернул прямоугольник с карточкой. – Будет лишний стимул заскочить в гости.

Автомобиль остановился на светофоре. В салоне царило усталое молчание, каждый задумался о своем. Эмили – о том, сможет ли она уделить внимание себе и завести, наконец, настоящую, как у Джеффа, семью, когда матери не станет. Джефф же размышлял о том, зачем «Якама Фармасьютикалс» красят грузовики в такой яркий, вызывающий цвет, как тот, которым окрашен грузовик, стоящий перед ними.

3

Пыльная мостовая приняла меня в свои горячие объятия набирающей силы аномальной жары. Когда дверь закуской захлопнулась за моей спиной, брякнув колокольчиком, я замер в ожидании облегчения. В моих фантазиях я надеялся на облегчение, словно перешагнуть порог означало вычеркнуть последние события из памяти Вселенной. Но облегчение не приходило, а лишь усиливалась паника, заставляющая мои мысли метаться в дикой пляске броуновского движения.

Из последних сил остатков самообладания я подавил желание бежать сломя голову и попытался мыслить конструктивно. Нетвердым шагом я пошел вперед, удивляясь насколько сложно в стрессовой ситуации имитировать естественность. Идя по мостовой, я инстинктивно уворачивался от спешащих прохожих, пытаюсь выбрать из сонма своих безумных мыслей и идей наиболее рациональные.

Кое-как выровняв шаг, и почти уверовав, что я слился с потоком прохожих, я начал анализировать ситуацию в ближайшей перспективе. Итак, со мной был бумажник, в котором оставалась где-то сорок долларов, мобильный телефон, солнцезащитные очки и часы на правой руке, на циферблате которых я только сейчас заметил пятна запекшейся крови. Наслюнявив палец я попытался незаметно вытереть ее, так усердно, словно это было не пятно, а прошедшие пара часов.

Паника породила паранойю. Каждый идущий по тротуару обязан был бросить на меня оценивающий, обвинительный взгляд. Даже бездомный кот, лежащий на ступеньке дома и тот, с укоризной сверлил меня взглядом.

Так, возьми себя в руки – хуже уже вряд ли будет. У меня есть сорок долларов, телефон от которого нужно избавиться и очки с часами. Идти в полицию я не намерен. Во всяком случае – не сейчас. То, что, я мог им сказать вряд ли уберегло бы меня от смертной казни. Кстати, а в штате Вашингтон действует смертная казнь? И как ее реализуют? Лучше бы, наверное, инъекцией, хотя электрический стул, тоже неплохо. Я вспомнил фильм «Зеленая миля», меня перенервировало. Потом вспомнил, что как-то слышал по телевизору, что казнь в Вашингтоне отменена. Единственный вопрос – в штате или в городе. Что ж, буду надеяться, что речь шла о штате.

Вернемся к моему инвентарю. Я, конечно, не искушенный преступник, но даже мне было ясно, что домой мне нельзя. Значит мне нужны наличные. И выбросить телефон. Но попозже.

Мой шаг стал тверже, я целеустремленно разглядывал улицу. Все-таки, насколько все становится проще, когда у тебя появляется план. Сейчас мне нужно было срочно найти банкомат. Да, я знаю, что все они оборудованы камерой, но в моем случае думать об этом было как-то смешно. Словно менять занавески в объёме пламени дома.

Как только в закуской найдут труп, полиция сразу же получит мое детальное описание вплоть до шрама от аппендицита. Шутка ли, на протяжении почти двух лет я, чуть ли не каждый день, давился их прогорклым кофе и пригорелой яичницей. В этой ситуации, не стоило заострять внимание на том, что я попаду в объектив банковской охраны. Тем более, что бы я дальше не делал, а деньги мне необходимы.

Свернув за угол, я с облегчением выдохнул. В неприметном закутке, рядом с кондитерской гостеприимно расположился банкомат. Я направился к нему, стараясь не показывать излишней радости от первой за сегодня удачи.

Единственное, что слегка омрачило мою радость – стоящая перед монитором толстая афроамериканка, которая держала ребенка в одной руке и прижимала телефон к уху плечом другой руки.

– ... не носи чушь, Лаверна, Трой не мог так поступить. Нет, это ты меня послушай, подруга. – громко и экспрессивно визжала она в трубку, не спеша тыкая пальцами в экран.

Так медленно, что во мне начала закипать злость. То ли я злился от ее медлительности, то ли от бесцеремонного, развязного поведения. А может причиной закипающего во мне гнева был безвкусный яркий платок исполинского размера, оборачивающий эту даму по экватору. Или ребенок, глядящий прямо на меня пустыми глазами, посасывая пустышку, хотя на вид ему было лет пять.

В висках застучало.

– ... его взял на работу тот латинос, ну, с ним еще сестра Антонио зажигала, – она перехватила свободной рукой и, казалось, совсем забыла, что нужно делать перед банкоматами.

Я взял себя в руки и неловко тронул ее за плечо. Она заткнулась и, развернувшись, уставилась на меня немигающим взглядом, в котором я читал все палитры ненависти.

– Что?

– Простите, мисс. Я очень тороплюсь, не могли бы Вы побыстрее закончить, или пропустить меня. Много времени я не займу.

– Ты что считаешь себя лучше меня?! – ненормальным голосом заорала она, – Погоди-ка сестричка, тут какой-то козел считает себя лучше меня! – добавила в трубку женщина, и полная решимости набрала в легкие воздуха, чтобы излить, давно заготовленную для подобных случаев, тираду.

Я был обескуражен. В полемику мне вступать не хотелось, особенно после того, как я обнаружил, что, возможно способен убить человека. Пока я лихорадочно перебирал варианты действий, при которых, я не привлекая лишнего внимания, получу доступ к вожаемой про-рези с деньгами, душные своды улиц взорвала громогласная сирена.

На секунду звуки смолкли. Я спиной почувствовал проносающуюся по дороге патрульную машину. Началось. Времени у меня оставалась все меньше.

– Заткнись, сука, и слушай. – было что-то в моем голосе, что заставило женщину прервать гогочущий поток, направленный на меня и уставиться испуганными глазами. – Ты сейчас заберешь своего выродка, развернешься и свалишь отсюда к чертовой матери!

Она в ужасе побежала. Оглядываясь через каждый шаг в мою сторону и прижимая плачущего ребенка.

Я подошел к банкомату – черт, эта стерва даже карточку свою не вставляла. Быстро сунув свою карту в прорезь, я набрал пароль и вызвал баланс. Подумав несколько секунд экран выдал “1800, 52”. Неплохо. Я запросил снятие всей суммы. Повисла пауза.

По-моему, мне попался самый медленный банкомат в Сиэтле. Кружочек на экране крутился, наматывая мои нервы до предела. “В операции – отказано”. Что такое? Черт, я забыл о лимите.

Я нервно, со второго раза вбил пин-код и ввел сумму в 500 долларов. Опять появился кружочек. Меня обдало холодком. Я нервно обернулся, ожидая увидеть полицейского с наручниками или мою новую знакомую с топором.

Банкомат ожил, отсчитывая двадцатки. Я сгреб купюры в охапку, вытащил карточку и чуть ли не бегом скрылся в ближайшем переулке.

4

Джефффри полулежал на диване, лениво переключая каналы. Вечеринка закончилась, жутких клоунов отправили восвояси, а детей, наконец, уложили спать. Наступил короткий блаженный миг спокойствия и умиротворения, когда ты наконец можешь себе позволить реализовать все те вещи, о которых мечтал целый день, но в итоге – фантазии хватило только на сидение возле телевизора.

Аманда возилась на кухне, загружая посудомойку и пряча остатки торта в холодильник. Вечеринка, судя по довольному лицу Бена, удалась. Дети веселились и, на удивление хорошо себя вели. Эмили не приехала, но поздравила Бенни по видеосвязи, пообещав при встрече подарить ему нечто особенное. Засыпал он с довольной улыбкой на лице – все-таки самое лучшее в дне рождения, когда он не заканчивается.

Джефф непрерывно нажимал на кнопки пульта в полумраке гостиной, пытаясь найти передачу, соответствующую его благодушной расслабленности. На газетном столике стоял стакан «Маунтин Дью» с охапкой льда и лежал телефон. Час от часу, Джефф отрывал взгляд от экрана и поглядывал на телефон.

Личность убийцы установили весьма быстро. В базе были его отпечатки, а их он оставил на месте преступления предостаточно. Что говорило о хаотичности содеянного, и повышало возможность повторения инцидента в ближайшее время. Если убийца принял спонтанное решение забить до смерти человека, то будучи загнанным в угол, он легко подойдет на повторение преступления. Тем более, результаты экспертизы подтвердили подозрения Джеффа – убитый был забит на смерть голыми руками, так что орудие убийства всегда при убийце.

Джефффри на секунду представил состояние подонка. Представил, как паника захватывает его разум, страх заставляет тело вибрировать, как он ощущает плавную неизбежность возмездия. Паника заставит его совершать ошибки, много ошибок, и очень скоро следствие его греха настигнут его, в каком бы мрачном уголке этого города он не пытался укрыться.

Следственные действия ничего толком не дали – несколько прохожих видели убегающего мужчину, подходящего под описание, но поиски не дали никаких результатов. Допрос его девушки тоже не принес результата – она утверждала, что давно уже не видела этого парня. В квартире по месту жительства убийцы тоже не оказалось.

Возле обоих домов оставили дежурить патрульных, которые сейчас поглощают пончики и упиваются кофе, проклиная свою работу. Было ясно, что никто туда не явится. Не будь он совсем идиотом.

С родителями связались, и местных предупредили, но маловероятно, что их подозреваемый там всплывет. Ему будет сложно выбраться из города – не говоря уже о том, чтобы оказаться на Западном побережье.

Джефф на секунду представил этого ублюдка, прячущегося в тених, гонимого ужасом от содеянного и страхом от неминуемой расплаты. Он знает, что его ищут и знает, что его найдут. Это неизбежно. Он не нарушит баланс добра и зла, он не сможет разорвать причинно-следственную связь между преступлением и расплатой.

За этими раздумьями Джефффри и коротал время, мельком поглядывая на телефон и ища хоть один канал, который бы не освещал поражение Морских Ястребов от Краснокожих. Черт, люди, успокойтесь, это всего лишь тренировочные игры!

Дойдя до местного канала, Джефф отложил пульт и сосредоточился на дикторе новостей.

Ведущий как раз рассказывал об инциденте. В правом верхнем углу экрана висело фото подозреваемого. Учитывая плохое качество фотографии, могли бы и увеличить, впрочем, черты лица читались отчетливо. Диктор монотонно перечислял фразы, присущие подобным сюжетам «представляет повышенную опасность», «не пытайтесь обезвредить своими силами»,

«звоните девять один или обратитесь к ближайшему патрульному полицейскому». Джеффри еще раз посмотрел на телефон – найдут, его обязательно найдут, и допрос будет вести он.

После сюжета об убийстве прошла заставка новостей телеканала и начался новый сюжет. На экране возник стол, за которым сидел заместитель мэра (редкий мудак, к слову) и Лавина Аранда, президент Якама Фармасьютикалс. Судя по заднику с логотипами мэрии Сиэтла и компании Якама, в репортаже шла речь о совместной пресс-конференции. Джефф прибавил громкость как раз на речи мисс Аранды.

– ... плодотворное и интересное сотрудничество. Но, главное, что мы уже с уверенностью можем утверждать, что это сотрудничество стало выгодным, а порой – спасительным, для нас с вами – простых жителей Сиэтла.

Следующим этапом в поддержке больных диабетом станет официальный отчет, в котором, небольшой спойлер, – скромные смешки в зале, – мы покажем, насколько поразительные результаты дала наша программа «Забыть диабет». На сегодня существует договоренность с несколькими штатами, которые я пока не могу называть, о внедрении этой программы. Но, пионером – стал Сиэтл, не стоит забывать об этом и переставать этим гордиться! – пауза, жиденькие хлопки, – Главное, что мы стали на несколько шагов ближе к победе над этим неприятным недугом. От имени Якама Фармасьютикалс я хочу выразить благодарность всем жителям Изумрудного города!

После более продолжительных и убедительных хлопков, Лавина продолжила:

– Но сегодня мы собрались здесь, чтобы анонсировать начало давно обещанного события. Итак, 28 августа, в водоочистительные сооружения города Сиэтл и округа Кинг поступит специальный химический состав, разрабатываемый нашей компанией последние восемнадцать лет. Эти, совершенно безвредные добавки позволят очищать питьевую воду намного качественней и, что немаловажно для моего коллеги – она указала на заместителя мэра, сидящего с безразличным лицом, – намного дешевле. Мы станем первым городом, который захлестнет волна дешевой и чистой питьевой воды.

Далее следовала заунывная, полная официоза речь представителя мэрии, но Джефф ее не слышал, он задремал, склонив голову на плечо и сжимая во сне пульт от телевизора.

5

Стремглав промчавшись по душным темным тоннелям закоулков, я выскочил на улицу. Сердце прыгало где-то в горле. Я судорожно сжимал в кармане купюры. Кровь стучала в ушах и затылке, то ли от бега, то ли от укутавшей меня ярости на толстую хамоватую афроамериканку. Я бежал задворками городских улиц, сбивая мусорные баки, спотыкаясь о хлам, и распутивая бродяг.

Оглядевшись, мне показалось, что я нахожусь на Люсиль-стрит, по-моему, на южной ее стороне. Перейдя на тротуар, способную заставить случайного прохожего поверить, что я совершаю пробежку, я направился вправо. Да, именно вправо, потому что более точного направления своего побега я дать не мог.

Мне было необходимо затеряться среди прохожих, пока есть такая опция, до тех пор, пока весь город не увидит мое лицо в новостях. Или на молочных пакетах, или где там полиция публикует просьбы помочь в розыске опасных преступников. Ну, или таких невольных заложников ситуации.

В кончиках пальцев покалывало, словно паника, обуявшая меня и не расстававшаяся со мной с того самого злосчастного туалета «У Эбби», напоминала мне, что я пока еще жив, на свободе и кое-что забыл. Забыл разобраться с телефоном.

Мысль выбросить его появилась буквально сразу же, еще до осознания необходимости разжиться наличными. Но я оттягивал неизбежное, ища возможность отправить весточку нескольким немногим людям, которые относились к числу тех, кому моя судьба была не совсем безразлична и перед кем я считал необходимым... отчитаться, что ли.

Сбавив темп, я начал высматривать какую-то уютную лавочку, скрытую в гуще листвы или тихий переулок, манящий ложной безопасностью, уголок, где можно было бы на секунду выдохнуть и исполнить мой, возможно, последний долг перед людьми, которых я любил.

За углом строительного магазина с пустующей парковкой нашлось именно такое место – узкая аллея между зданием и забором, ограждающим стройку на соседнем участке. На стене висел плющ, а по кромке забора росли жухлые ивы, защищая от беглого взгляда с дороги.

С облегчением рухнув на скамейку, я откинул с головы капюшон и прикрыл глаза. Наверняка я странно выглядел в темно-синем спортивном костюме в такую жару. Нужно что-то придумать с одеждой. Странно, что я задумывался о таких мелочах в масштабе моих глобальных проблем.

Я достал сигареты и дрожащими руками подкурил. В горле запершило, я подавился дымом и зашелся утробным кашлем. Спорт не был моей самой сильной стороной. Пересилив отвращение, я попытался взять кашель под контроль и глубоко затянулся. Строго говоря курить мне совсем не хотелось, но подкоркой я чувствовал, что сигарета может помочь мне затолкать восстающую панику поглубже в чертоги разума.

Достав телефон, я вздохнул. Ни одного пропущенного. Даже полиция не пыталась дознаться мне в лице какого-то штатного психиатра, который бы нелепо пытался меня убедить сдаться. Видимо управление даже не подозревало, что в современном мире могут быть настолько тупые преступники, которые бы не догадались выключить телефон в первые минуты побега с места совершенного убийства.

Разблокировав телефон и открыв электронную почту я начал писать.

«Дорогая Лия.

Я очень сожалею, что вынужден тревожить тебя в таких условиях. Я попал в крупные неприятности. Я хочу, чтобы ты знала, что я не понимаю, что произошло. Я не понимаю, как я

ввязался в это все. Я хочу, чтобы ты знала – я ничего плохого не совершал, я ничего не помню, но я уверен, что я не мог сделать то, в чем меня, возможно, обвинят.

Помни, я люблю тебя и очень скучаю. Я обещаю, что не позволю втянуть вас в эту историю. Я просто хочу, чтобы ты знала».

Я перечитал. Было написано криво и сбивчиво. Но, по-моему, послыл я обозначил. Надеюсь, Лия поймет, все что я пытался вложить в это короткое, бессвязное письмо.

Закурив еще одну сигарету. Я принялся за второе, не менее тяжелое письмо.

«Здравствуй, мама.

Я попал в неприятности. Меня могут обвинить в убийстве человека, которого я не знал. И хотя все доказательства могут быть против меня, я не помню, как все случилось – из моей памяти выпала дюжина минут. И, нет я не пил и не употреблял наркотики.

Откровенно говоря, я не знаю как это получилось, но я могу точно сказать, что в случившемся нет моей вины. Тем более, нет вашей вины. Что бы там ни было – не смейте винить себя и жалеть меня. Я надеюсь, что во всем разберусь.

Я люблю Вас, передай это отцу».

Тяжелое бремя грусти и щемящей тоски охватило меня, когда я дописал это письмо. Мне начало казаться, что эту безнадегу я смогу рассеять лишь укутавшись в теплый плед на старой кровати в родительском доме. Но эта мечта была столь же фантастична, как и мечта повернуть время вспять и не вставать с кровати этим утром.

Третье и последнее письмо я решил адресовать всем адресам своего списка контактов. Пока я размышлял что написать, так чтобы это выглядело лаконично и не слишком отдавало безумием, меня словно обдало холодной водой.

По дороге, с которой я свернул сквер плавно ползла полицейская машина. Первая мысль, посетившая меня была: какого черта цвет машины так похож на цвет моего спортивного костюма.

Вжимаясь спиной в лавочку мне показалось, что я обнаружил ее еще до того, как увидел. Затаив дыхание, боясь пошевелиться я наблюдал за вальяжным, крадущимся движением хищника, высматривающего свою жертву. Предательские бусинки ледяного пота выступили на лбу, мне вдруг захотелось стать облаком и дымкой вознестись на небо. Патрульная, угрожающе помигивая проблесковыми маячками скрылась из поля моего зрения за углом строительного магазина.

Судорожно выдохнув, я выбросил окурок, уже обжегший фалангу пальца и аккуратно, боясь издать хоть звук, выпрямился. Колени предательски хрустнули. Я напрягся – этот хруст показался мне столь оглушительным, что был слышен за много миль. Ступая на цыпочках, я подошел к углу здания и выглянул. Полиция все-так же четко двигались по прямой, не меняя скорость. Кажется, кто-то выделил мне еще немного времени.

Что интересно, я только сейчас понял, что заметь они меня – я и не помышлял о том, чтобы попытаться бежать.

Переваривая эту мысль, я вернулся к последнему письму, отбросив наносные притязания к стилистике.

«Я ни в чем не виноват. Меня опоили и подставили. Я ничего не помню. Я не мог убить человека.»

Даже не перечитывая я подтвердил рассылку. Подумав еще секунду, я нашел в интернете какой-то электронный адрес управления полиции и выслал этот текст им. Задав себе вопрос, который возникнет у них после прочтения – «Если ты не виноват, почему же ты скрываешься?».

6

Якама Фармасьютикалс – американская химическая и фармацевтическая компания, основанная в Сиэтле, штат Вашингтон, Соединенные Штаты Америки в 2007 году. Штаб-квартира находится в Сиэтле, штат Вашингтон. Широкую известность компании принесли изобретения ряда инновационных медицинских препаратов и благотворительные программы в сотрудничестве с городскими и федеральными властями Сиэтла и штата Вашингтон.

Логотип.

Вписанный в круг парящий орел, считающийся символом племени Якама, сжимающий в правой лапе посох Асклепия, а в левой – Кадuceй. Принято считать, что логотип символизирует превосходство истины над ложными заблуждениями, так как лапа с посохом Асклепия находится выше лапы с Кадuceем.

Такое трактование имеет смысл из-за исторически сложившейся практики использования в США изображение Кадuceя в качестве медицинского символа, несмотря на то что он символизирует жезл глашатаев, имеющий способность к примирению в древнегреческой и древнеримской мифологии. Посох Асклепия же является одним из атрибутов древнегреческого бога медицины и врачевания.

Впрочем, в одном из интервью Лавина Аранда привела иную расшифровку логотипа, согласно которой Кадuceй символизирует примирение (медицины с иными сторонами существования человека и человека с недугом), а посох Асклепия – саму медицину.

С внутренней стороны контура круга логотипа имеется надпись «Нет места лекарствам там, где то, что считалось пороком, становится обычаем» на латинском и Сахаптине – индейском языке, которым пользуется племя Якама. Смысл данного лозунга официально не объяснялся.

Логотип используется с момента основания компании до нынешнего времени.

История.

Якама Фармасьютикалс была основана в Сиэтле в 2007 году Джеронимо Арандой и его дочерью, Лавиной Арандой.

Основным направлением исследования компании стала разработка препаратов для лечения диабета и инсулинозамещающих препаратов. Значительные успехи были достигнуты в разработке препаратов для первичной очистки воды. Данное направление выросло из наработок в области сахарного диабета и на сегодня занимает приоритетные позиции в научной деятельности Якама Фармасьютикалс.

С момента своего основания и вплоть до 2015 года компания Якама Фармасьютикалс декларировала основным направлением своих исследований оптимизацию знаний и достижений современной медицины под особенности физиологии коренного населения Америки.

В 2015 году Якама Фармасьютикалс выступает с заявлением, согласно которому компания решает сконцентрироваться на борьбе с сахарным диабетом.

Смерть Джеронимо Аранды на горнолыжной трассе в Аспене в 2016 году поставила под вопрос существование компании и спровоцировала ряд домыслов. Его загадочная гибель и скандалы в правлении широко освещались в прессе. Был возбужден уголовный процесс по статье убийство, в рамках этого дела, помимо других. Допрашивалась Лавина Аранда. Позже дело было закрыто. Лавина Аранда возглавляет компанию.

В 2017 году компанией был презентован революционный инсулиносодержащий препарат «Сахаптин 1Э». Особенность данного препарата состоит в его абсолютной уникальности.

Так, «Сахаптин 1Э» фактически имитирует базальную секрецию инсулина, будучи при этом препаратом сверхдлительного действия. По утверждениям разработчика, препарат имеет соотношение 10/90 в которых 10 процентов занимает инсулин короткого действия и 90 процентов – стабильный инсулин пролонгированного действия в нейтральном растворе.

Состав раствора не разглашается, хотя, по утверждениям Якама Фармасьютикалс, он прошел все необходимые испытания.

По известной информации, раствор, использующийся в составе «Сахаптина 1Э» схож по методу действия составами, содержащими нейтральный протаминам Хагедорна, но в отличие от них, продукт Якама Фармасьютикалс, может вступать в реакцию с инсулином короткого действия. Как полагает большинство ученых, Якама Фармасьютикалс решили проблему вызывания препаратов инсулина короткого действия избытком протамина, впрочем, опубликованных подтверждений использования схемы НПХ до сих пор нет.

«Сахаптин 1Э», помимо необходимости однократной инъекции в 22–26 часов, обладает рядом других, уникальных преимуществ перед препаратами конкурентов. Так, он подходит больным сахарным диабетом как первого (идиопатического и аутоиммунного типов), так и второго типов, кроме того, по утверждениям Якама Фармасьютикалс, их инсулин безопасен для больных гестационным сахарным диабетом, является гипоаллергенным, не приводит к липодистрофии и инсулинорезистентности, не требует коррекции.

Научным сообществом презентация препарата была встречена скептически. Основной претензией по сей день остается отказ Якама Фармасьютикалс предоставить конкретный химический состав «Сахаптина 1Э», независимые попытки анализа – результатов не принесли. По этому поводу Лавина Аранда высказалась в одном из интервью:

«... Мы можем сколько угодно муссировать эту тему. Но, все прекрасно понимают от кого исходит эта истерика.

Инсулин давно стал многомиллионным бизнесом. Я называю это «легальный героин». Естественно, что при таких условиях, публикация состава может подарить нам сотни аналогов, разработанных второпях, что может принести непоправимые последствия. К тому же, зная наших конкурентов, я не удивлюсь, если они попробуют создать медикаменты, нивелирующие действие «Сахаптина 1Э». Все ради прибыли, все ради денег...

... Мы давно декларируем, что преследуем общечеловеческие, гуманные цели, поэтому «Сахаптин 1Э» не является коммерческим продуктом...

... Его (препарата) распространение возможно только на бесплатной основе. Какие дивиденды это принесет нам? Наглядно продемонстрировать наши возможности и привлечь новых инвесторов. Еще раз хочу поблагодарить за незазорность и смелость руководство Сиэтла и штата Вашингтон, за то, что поделились с нами этой возможностью...

... Единственное, что я могу сказать – препарат имеет генноинженерную природу...

В январе 2019 года стартует программа замещения инсулиносодержащих препаратов в Сиэтле и округе Кинг. Реализация проекта сопровождалась скандалами, обвинениями местной власти в попытках экономии на здоровье граждан, министерства здравоохранения в подверженности аморальному лоббизму, Якамы Фармасьютикалс в монополизме и недобросовестной конкуренции. Тем не менее, в несколько этапов, из здравоохранительных учреждений и аптек были изъяты инсулиносодержащие препараты и заменены на «Сахаптин 1Э», который отпускался бесплатно и без ограничений с предварительным добровольным анкетированием.

На текущий момент, эффективность «Сахаптина 1Э» подтверждена, помимо прочего, и этой масштабной акцией. Несмотря на то, что некоторые продолжают указывать на сомнительность публикаций в профильных изданиях и закрытость Якамы Фармасьютикалс, их проект признан удачным и правительство США, наряду с рядом других стран, уже декларируют желание в дальнейшем сотрудничестве.

Также можно упомянуть скандал, связанный с официальным наименованием препарата, названным так в честь языка коренного населения США. С диалекта племени Якама это можно перевести как «чужак в родных землях».

По материалам свободной энциклопедии.

7

– У нас были такие подозрения. Во время обыска мы обнаружили глюкометр.

– Ну, вот ваши подозрения и оправдались.

Джефф и Эмили сидели в офисе патологоанатома. Просторная угловая комната с широкими окнами, уходящими едва не до потолка, больше подходила кабинету какого-нибудь руководителя хедж-фонда или солидному адвокату, но принадлежала Юджину Эллиоту – на данный момент исполняющему обязанности главного судебно-медицинского эксперта Сиэтла.

По-видимому, Юджин рассматривал приставку «исполняющий обязанности» как досадную временную неловкость, поскольку кабинет кишел вещами, дающими посетителю представление о личности и интересах его владельца. Стены были увешаны насекомыми и бабочками в рамках, за спиной врача пестрили дипломы и грамоты, существенную часть еще одной стены занимал гигантский винтажный плакат «Ночи живых мертвецов» в рамке, что Джефф нашел весьма ироничным. На столе располагался сонм семейных фотографий и бейсбольный мяч в пластиковом прозрачном кубе.

Доктор Эллиот сидел, положив руки на столешницу и скрестив пальцы, он внимательно изучал детективов, пристально глядя на них поверх миниатюрных очков.

– Конечно, я не могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что ваш подозреваемый страдает от сахарного диабета, но избыточное содержание цинка и ряд иных элементов, позволяют с высокой долей вероятности утверждать, что он принимал «Сахаптин». Уровень глюкозы в норме, «Сахаптин» теоретически и здоровому человеку не способен нанести вред, но...

– Это тот препарат для диабетиков? – Джефф адресовал вопрос то ли врачу, то ли Эмили, которая утопала в помпезности гигантского гостевого кресла рядом с ним.

– Совершенно верно. – ответил Юджин, слегка раздраженный тем, что его перебили, – Инсулиносодержащая суспензия для больных обоими типами диабета, которая бесплатно распространяется по муниципальной программе. Еще раз подчеркну, что я не могу утверждать это с полной уверенностью, но картина результатов исследования уж слишком напоминает то что я видел в крови диабетиков.

– А это значит, что рано или поздно ему потребуется инъекция. – с энтузиазмом произнесла Эм.

– Вы правы, детектив Стабле, – Юджин кивнул и пригладил уложенные седые волосы. – Обычно диабетики подстраховываются, и носят с собой запасную дозу, но я думаю, что сегодня-завтра он придет в пункт выдачи.

– А с чего такая уверенность? – вклинился Джефффри, – Что ему мешает купить этот, как его... инсулин в любой аптеке.

– Детектив Рассел, – с укоризной посмотрел на него Эллиот, – По условиям договоренности местных властей с компанией Якама Фармасьютикалс был изъят из оборота на территории города и округа. Сейчас диабетики могут получить только «Сахаптин» в аптеках и точках его распространения.

– То есть это никак не сужает круг мест, где нам искать убийцу.

– Вы снова ошибаетесь, детектив. Право на распространение препарата получили приблизительно шестьдесят аптек, плюс авторизованные точки Якамы. Конечно, зацепка так себе, но, надеюсь она вам поможет.

– Нужно запросить у Якамы данные по подозреваемому. – обратилась Эмили к Джефффу, и не дождавшись ответа спросила у Юджина, – Они ведь проводили анкетирование?

– Боюсь, что они вам не помогут. Видите ли, Якама Фармасьютикалс весьма специфическая компания, которая с трудом идет на контакт. Такую линию поведения молчаливо поощ-

ряет наше правительство, так что вряд ли вы найдете в них союзника. Как показывает практика, любые действия, связанные с их продукцией, воспринимаются ими как враждебные.

Рассел поднялся и протянул руку Эллиоту.

– Спасибо, док. Вы нам весьма помогли.

– Погодите. – Юджин жестом пригласил Джеффа вернуться в кресло. – Это не все. В крови подозреваемого, обнаруженной на месте убийства, был обнаружен котинин.

– Котинин? – Джефф плюхнулся на неуместно мягкое сидение. – Что это?

– Алкалоид, содержащийся в табаке, который к тому же является метаболитом никотина. Забавно, но даже название «котинин» является анаграммой слова «никотин».

– Док? – Рассел упреждающе приподнял бровь, чувствуя немаленькую вероятность погрузится в долгую лекцию.

– Да. – спохватился Эллиот. – Видите ли, котинин обычно обнаруживается в течении нескольких дней после употребления табака. В исследуемых образцах уровень котинина превышает отметку трехсот нанограмм на миллилитр, что наталкивает нас на вывод что убийца является заядлым курильщиком.

– А вот это уже что-то! – Воскликнул Джефф, снова вставая с опостылевшего кресла и протягивая ладонь врачу. – Пунктов продажи сигарет куда меньше, чем этого, как его...

– «Сахаптина» – подсказала Эмили, тоже поднимаясь.

Выйдя на улицу, в безжалостную духоту города, утомленного невыносимой жарой, они направились к машине. Их окружал шум буднего дня, в каждой ноте которого звучали ноты изнуренного ожидания похолодания.

Джефф достал из кармана льняного пиджака ключи и бросил:

Я поведу.

Усевшись в автомобиль, он торопливо щелкнул кнопку кондиционера – из воздушных отверстий салона полилась робкая прохлада, леденеющая с каждой секундой. Детектив Рассел откинул голову на подголовник, прикрыл глаза, сосредоточившись на упругих струях прохлады, пробирающейся под одежду и ласкающих кожу. Теперь он готов был разговаривать.

– Какой-то неприятный тип. – наконец сказал он, не открывая глаз.

– Зря ты так. Интеллигентный, воспитанный, к тому же явно профессионал своего дела. – Эмилиа, растеклась в кресле, получая первородное удовольствие от работы кондиционера. Казалось бы, от охлажденного здания департамента судебной медицины они прошли всего метров пятьдесят, но успели нагреться как та индейка в духовке.

– А по мне – так наш потенциальный клиент. – Джеффри открыл глаза и выпрямился, – не удивлюсь, если он на досуге убивает котят или заглядывает в окна с мачете в руках. Ты видела этот плакат?

– «Ночь живых мертвецов»? Классный фильм.

– Фильм может и ничего, но когда он висит у патологоанатома... Черт, это если бы у гинеколога...

– Окей, не продолжай, я поняла. – рассмеялась Эм.

Джефф вырулил на дорогу и не без труда влился в поток, не унимаясь:

– А эти жуки! Нормальный человек не будет тыкать в живых, пусть и насекомых, иглы. Нет, я понимаю, что они там все не в себе...

– Ты мяч видел? – решила отвлечь его Эмили. Джеффа она знала не первый год и представляла, что если, его вовремя остановить, то она получит монолог с полчаса, полный шовинизма, агрессии и шокирующих историй из жизни и практики напарника.

– Да.

– С автографом Барри Бондса, между прочим.

Джеффри присвистнул.

– Не слабо. Только он не стал симпатичней от этого.

– А куда это мы едем? – спросила Эмили, заметив, что они проехали развилку, ведущую к управлению.

– Якама.

Эмили вопросительно посмотрела на напарника.

– Ну, мы вроде уже нашли все что искали по поводу подозреваемого, осталась одна зацепка. А если сумрачный доктор прав, то переписка и запросы займут уйму времени. К тому же, у меня скверное настроение и я хотел бы поделиться им с кем-то.

– А не лучше заняться сигаретами? Все-таки курящих меньше, чем диабетиков. Да и пунктов продажи сигарет не так уж и много.

Джефф покачал головой:

– Этого типа круглосуточно показывают по телеку – нет смысла специально акцентировать внимание на табачных киосках. К тому же, сейчас, любой покупатель сигарет притягивает к себе такое количество укоризненных взглядов, словно он – прокаженный. Уж я-то знаю. Нет, давай попробуем с этим зеленым картелем.

Эмили оценила эту словесную конструкцию. Для Джеффа, который не был особым мастером слова, такое оскорбление было весьма изысканным. В двух словах он обыграл ярко-зеленую раскраску корпоративных цветов Якамы, заполонивших город и эпитет, употребляющийся в обиходе, для обозначения наркоторговцев. Картелем, правда, именуется одна из форма монопольной деятельности компании, но маловероятно, что Джефффри имел в виду именно это.

– Кажется они тебе не слишком нравятся? – с плохо скрываемой иронией поинтересовалась Эм.

– А чему тут нравится. – Джефф не услышал иронии – был слишком занят, сигналиа и показывая средний палец какому-то парню в пикапе. – Понатыкивали рекламы по всему Сиэтлу, эти грузовики их везде, ведут себя, словно они живое воплощение Христа. Знаешь я раньше обожал альтернативную форму Сихоукс, ну ту, зеленую. Даже Бену купил такую футболку. Но после появления этой Якамы, у меня просто аллергия на этот цвет.

– Джефффри Рассел, ты хуже кроманьонца. – Эмили звонко рассмеялась. – Тебя пугает все новое, все что может выдернуть тебя из привычной безветренной зоны. Подумай сам – сколько жизней они спасают! А сколько человеческих жизней они улучшили. Ты только представь – вместо того чтобы тыкать в себя иглой четыре-пять раз в день, ты делаешь одну инъекцию и забываешь о том, что ты чем-то отличаешься от тысяч твоих сограждан. Я уже не говорю о том, что это все делается бесплатно. Господи, да в честь этой Аранды уже сейчас нужно аэропорт переименовать!

И это коснулось только людей больных диабетом. Если их программа очистки воды хотя бы на десять процентов будет столь же успешной... – Эмили буквально задохнулась от восторга. – Только представь, сколько жизней они спасут!

Вот скажи, что ты знаешь о диабете?

– О диабете я знаю одно – им болел Джей Катлер. И знаешь что? – Джефф повернулся к Эмили – Он был посредственным квотербеком.

8

Паника.

Она начинает пожирать меня изнутри, как только я даю слабину. Я пытался загнать ее в дальние уголки сознания с того самого времени, когда я обнаружил окровавленного беднягу у своих ног в грязном туалете закуской «У Эбби».

Люди часто слышат «успокойся» или «возьми себя в руки» – это также бессмысленно и раздражающе, как попытки рассказать пациентам онкологического отделения о том, «что все что происходит – к лучшему!». Щемящее чувство непоправимой трагедии укоренилось во мне с той минуты как пришло осознание совершенного.

Хотя с другой стороны, что ужасного я совершил? Отнял жизнь? Причинил боль? Возможно. Не будем забывать, что я ничего не помню и мои выводы основываются лишь на анализе результата. Но, пусть так. Кто сказал, что убить человека это плохо?

Я просто внес изменения в существующую диспозицию. Ведь плохим это является лишь с точки зрения общественной морали и устоявшегося социального контракта, производными которых стала ответственность, которую я должен нести в юридической плоскости и страдания в плоскости моральной. Но, что, если тот мужчина был педофилом или собирался совершить покушение на жизнь президента. Ведь, исходя из той же логики я совершил положительный поступок, благотворно влияющий на функционирование социума и упрочающий все эти химерные нити, поддерживающие выдуманные правила.

Как насчет такой точки зрения? Тогда получается, что я положительная сила. И почему я должен ощущать душевные терзания и прятаться за мусорными баками, пробираясь по закоулкам Сиэтла и вздрагивая от каждого шороха?

Кстати, а как живет праведным католикам или, тем более протестантам? Последние ведь не практикуют даже молитвы святым. И, насколько мне известно все основные религии не приемлют сотворение кумира, не говоря уже о поклонении ему. Что такое социальный контракт, если не новый мессия? Интегрированный во все духовные течения человеческой, подобно дьяволу, лицемерно и лживо проникший в души и умы людей. Религия в религии, торжество лицемерия и декларация о тупиковости эволюции.

И чувство вины, скользкой змеей обвивающее мое сознание – лишь иллюзия, порожденная традиционным грузом правил, придуманных не мной.

Это были весьма удобные мысли. Они позволяли снять с души хотя бы часть груза, утопив его в сладком нигилизме. Жонглируя ими я загонял панику на дальние рубежи своего сознания. Но, борясь с ней я порождал еще одного врага – настойчивый голос подсознания, который твердил, что я несу бред.

Но останавливаться было нельзя. Любая пауза чревата высвобождением паники, которая не оставит мне шанса, завладеет разумом и телом, погасит волю к жизни. Было занятно думать о том, что я так пекусь о собственной жизни, лишив ее другого человека. Я ощущал, что танцую подле черты, отделяющей меня от трясины безумия, лихорадочно ища возможность продлить эту пляску и не переступить черту.

Причин для паники у меня было предостаточно. Но как только мне начало казаться, что я систематизировал их все, и нашел пути к их подавлению, всплыла еще одна причина. Грозная стать приоритетной.

«Сахаптин 1Э». Плоский кусочек ярко-зеленого пластика, лежащий во внутреннем кармане спортивной куртки и хранивший тонкую иглу и емкость с препаратом, поддерживающим во мне жизнь.

Этим злополучным утром я как раз направлялся в туалет, чтобы сделать себе инъекцию и спокойно покурить. Судя по сорванной пломбе – инъекцию я сделал.

Случилось все между одиннадцатью и двенадцатью. Одной инъекции мне хватало на срок от двадцати до двадцати двух часов. Значит, самое позднее завтра в восемь мне понадобится еще укол. У меня, конечно, еще будет двенадцать часов на то, чтобы ввести половину дозы и позже выйти на стандартный объем инъекции, но это работало с обычными инсулиносодержащими препаратами.

«Сахаптин» работал иначе. Как мне объясняли в центре Якамы, подсаживая на их препарат, элементы, высвобождающие инсулин, имеют срок годности, после чего распадаются и выводятся из организма, и нужно повторить инъекцию. Ну, или как-то так. Слушал я тогда в пол-уха.

Я в принципе человек не особо внимательный и собранный. В школе миссис Льюис, школьный психолог, все норовила диагностировать мне синдром дефицита внимания, хорошо, что мои родители старой закалки и не дали заклеить меня этой хворью, в те времена усиленно набирающей популярность.

В общем, я был болен. Сахарный диабет первого типа. Его причиной стал вирус Коксаки, который меня поразил в возрасте девяти лет. Помню, врач, сообщая диагноз моей маме, чесал затылок, а его глаза бегали. «Первый раз с таким встречаюсь» – мямлил тогда он. Как я потом выяснил в медицинском справочнике, взятом в библиотеке, врач скорее всего был неопытным, потому что вирус Коксаки не был редкостью. Даже в благополучных странах.

Когда мне было десять, другой врач, в другой больнице, широко мне улыбаясь сказал, что у него две новости. Плохая заключалась в том, что вирус, которым я переболел год назад дал осложнения и теперь у меня диабет первого типа. А в чем состояла хорошая новость? В том, что диабетом первого типа страдает всего пять процентов заболевших. Вроде как редкость. Он считал, что это должно было меня чем-то порадовать.

Проклятье, если бы я обнаружил в туалете труп именно того доктора, я бы не терзался всеми этими угрызениями совести.

После диагноза я прекрасно помню, как мама тайком плакала. Долго плакала. Где-то месяц я замечал ее покрасневшие глаза и темные круги под глазами. Отец тоже переживал, но, по-своему, так как умел – увеличив количество алкоголя до уровня, приемлемого чтобы смириться с тем фактом, что его наследник неизлечимо болен. Меня все жалели, а все та же миссис Льюис потратила не один час в пустых беседах со мной, убеждая меня в том, что я переживаю и это все – сильный удар по моей неокрепшей психике.

Вот только это было не так. Никто из окружающих не мог усвоить простую вещь – мне было все равно. Диабет, СПИД, диарея – все это лишь новые переменные в сложном уравнении жизни. Я относился к этому как к удалению аппендикса. Его больше нет, мне предстоит жить с этим. Точка.

С возрастом я начал понимать, что, возможно такое отношение стало попыткой бегства от реальности, защитным экраном. А, возможно, я просто не хотел признаваться самому себе в том, что я, в каком-то смысле, испорченный образец человека, плюя на рекомендации врачей и игнорируя жизнеутверждающие статьи из разряда «как жить полноценной жизнью с диабетом». Возможно, я убедил себя, что здоров, надеясь, что моя искренняя вера в это, вместе с презрительным отношением к недугу, в итоге излечат меня.

Нет, конечно, я делал инъекции и, порой, даже не забывал проверять уровень глюкозы. Но, все основные рекомендации я вольно или невольно игнорировал. Взять хотя бы сегодняшнее утро – оmlет сигаретой вряд ли лучший выбор для диабетика.

Все-таки я хотел жить. И не за решеткой, иначе чем еще объяснить мой побег и прятки от полиции. И, если во мне есть тяга к жизни, то мне необходимо озадачиться вопросом как раздобыть «Сахаптин», воду и еду.

После рассылки сбивчивых и нелепых писем, которые я написал, скорее для собственного успокоения, чем для достижения какого-то иного результата, я разобрал телефон и выбросил детали за забор, ограждающий строительную площадку. С тоской посмотрев на шприц-ручку использованного «Сахаптина», я отправил ее следом. У меня остались деньги, аккуратно сложенные в портмоне и солнцезащитные очки. Не самый лучший набор для выживания в условиях побега.

Я вспомнил известное правило, что молния не бьет дважды в одно место, потом затолкал в темный чулан сознания, где пытался спрятать панику, понимание, что это правило лжет, и направился в сторону откуда, где-то с полчаса назад, ехала полицейская машина. Я рассчитывал на то, что они не смогут объехать свой район так быстро, а идти куда-то в другое место не хотелось из-за неясной вероятности встретить там их коллег.

Пройти мне сегодня предстояло немало. У меня была идея где мне можно было переночевать, и для этого нужно было добраться до района с плотной высотной застройкой. К тому же, если сериалы меня чему-то и научили, так это тому, что хочешь спрятать дерево – спрячь его в лесу.

Я снял куртку, повязал га пояс и уверенно двинулся вперед, стараясь скрыть дрожь в конечностях. Если идти прямо и уверенно, то патрули не обратят на меня внимания. Всего лишь очередной прохожий, средний рос, средний вес, ничем не выделяющийся из толпы горожан, задыхающихся в жару. Темный спортивный костюм, конечно, бросался в глаза, но если я доживу до вечера, то он превратится в преимущество.

Полицейские не могут вглядываться в глаза каждому прохожему, поэтому подсознательно разглядывают силуэты, обращая внимание на странности в поведении людей. Именно таких субъектов они начинают пристально изучать. Поэтому, теоретически у меня был шанс. Но, я ни на секунду не забывал, что мое лицо, наверное, прямо сейчас показывают на всех местных телеканалах, а радиостанции не устают озвучивать мои приметы. Тут уж оставалась надежда на искаженное восприятие обывателей, которые завидя знаменитость зависают и медленно оценивают вероятность такого стечения обстоятельств, чтобы не выставить себя в глупом свете. С другой стороны, некоторые члены современного американского общества готовы сообщить о соседском коте, подходящем под мое описание, лишь бы почувствовать себя более важной частью этого самого общества.

В сухом остатке я получал какие-никакие шансы побыть на свободе до вечера. Пока этого более чем достаточно. Я ступал на раскаленный асфальт, уверенней шаг от шага. Я сделал пометку на воображаемом плане, что нужно как можно быстрее раздобыть воду. Я постарался выровнять дыхание и унять сердцебиение – в памяти всплыло, что адреналин, выбрасываемый в кровь, повышает уровень глюкозы. Поиски «Сахаптина» могут перенестись на сегодня. Я глубоко вдохнул. По одной проблеме за раз.

Жаль, что пришлось расстаться с телефоном. Музыка сейчас бы не помешала. Что-то вроде саундтрека для загнанного в угол. У меня в плейлисте и песня подходящая была. Туре о Negative – I don't wanna be me.

9

Лавина Ева Аранда (родилась – сентябрь 1970 года).

Американский хирург-ортопед. Специализация – колени и локти. Председатель совета директоров компании Якама Фармасьютикалс, сооснователем которой и является. Компания известна инновационными разработками в области лечения диабета и, как разработчик уникального инсулиносодержащего препарата «Сахаптин 1Э». Сейчас компания готовит к выходу на рынок революционного средства для очистки воды, подробности о котором пока не обнародованы.

Биография.

Лавина Ева Аранда родилась в городе Якима, штат Вашингтон в 1970 году в семье известного химика и борца за права коренного населения Джеронимо Аранды и медсестры Линды Аранды (Матинс).

Посещала школу Ла Салле, после окончания школы поступила в Вашингтонский университет в Сиэтле на медицинский факультет. После окончила медицинскую школу при университете Вандербилта в Нэшвилле, штат Теннесси. Также Лавина Аранда получила стипендию в университете Лиона.

Параллельно, в 2005 году вместе с отцом, переехавшим в Сиэтл в связи с профессиональной деятельностью, основали компанию Якама Фармасьютикалс, декларировавшую приоритетной отраслью исследований – лечение коренного населения США. Председателем совета директоров стал Джеронимо Аранда, Лавина заняла должность руководителя отдела исследований и развития.

На протяжении всей карьеры, Лавину Аранду и компанию Якама Фармасьютикалс преследовала череда скандалов. Самым резонансным стало расследование, связанное со смертью Джеронимо Аранды в Аспене в 2016 году.

Так, во время подъема на склон Аякса (Аспен Маунтин) 26 января 2016 года, случился сбой в работе фуникулера, в результате которого работа подъемника оказалась парализована на четыре часа. Джеронимо и Лавина Аранда находились одни в четырехместном кресельном подъемнике на высоте тридцати метров от земли.

Через час и тринадцать минут после остановки фуникулера, Джеронимо Аранда, по неустановленным причинам, выпал из кресла, разбившись насмерть.

Свидетелями происшествия стали несколько человек на соседних креслах, так же падение попало в запись камеры наблюдения. Очевидцы позже, в рамках открытого уголовного дела, утверждали, что между Джеронимо и Лавиной произошла ссора, сопровождающаяся громкими криками, после которых возникла потасовка, в результате которой Джеронимо упал.

После завершения расследования смерти сооснователя компании, последовало несколько исков о защите чести и достоинства Лавины Аранды, и эта история начала забываться.

Далее 2016 год был наполнен судебными разбирательствами и слухами относительно нового, неизвестного препарат, разрабатываемого Якама Фармасьютикалс, утечками информации и громкими скандалами с уволенными сотрудниками. Отдельно стоит отметить, что все конфликты быстро затухали или решались в пользу Якамы, что сподвигло многих специалистов вдаваться в конспирологические теории, связывающие фармакологическую компанию и правительство. Подробности этих дел можно изучить в соответствующем разделе.

В январе 2017 года Сиэтл и округ Кинг объявил о старте беспрецедентной кампании по борьбе с сахарным диабетом в кооперации с Якама Фармасьютикалс. В основном эта кампания заключалась в бесплатной раздаче препарата «Сахаптин 1Э».

Несмотря на то, что этот проект был давно анонсирован и обсуждаем, его реализация породило неистовое количество споров и скандалов, которые начинают тесно ассоциироваться как с Якама Фармасьютикалс в целом, так и с Лавиной Арандой в частности.

Основной претензией была непрозрачная схема подготовки и воплощения в жизнь данной программы. Многие указывали на подозрительно лояльное отношение правительственных органов и особенно органов здравоохранения. Также, специалисты выказывали подозрения и вопросы по поводу самого препарата, процедуры его лицензирования и нежелания Якама Фармасьютикалс раскрывать детальную информацию относительно состава и производственных характеристик «Сахаптина 1Э».

Одним из самых ярых критиков выступал профессор медицины, декан медицинского факультета университета Бейлор, доктор Уилсон Нэвилл. Ниже приведены выдержки из нескольких его статей:

«...отдавая должное Якама Фармасьютикалс и их, достойным восхищения, стремлениям и трудам в преодолении столь неприятного недуга как сахарный диабет, я не могу не задаваться вопросом, почему в отношении этой компании существуют иные подходы, нежели по отношению к другим исследователям...

... перечень изданий, в которых публиковались результаты исследований «Сахаптина 1Э» так же не может не вызывать ряд вполне обоснованных вопросов. Если уверится в том, что заявления доктора Аранды, хотя бы на долю соответствуют действительности, и «Сахаптин 1Э» являет собой по-настоящему прорывное оружие в борьбе с сахарным диабетом, почему о нем не пишут флагманские медицинские журналы США и Европы, признанные научным сообществом? Вместо этого, вся публичная информационная база представлена в изданиях Индонезии, Китая, Аргентины и других стран, в которых, при всем уважении к ним, медицина, как таковая, не является приоритетной отраслью столь дорогостоящих и эпохальных исследований?..

...В 2015 году компания объявляет о начале исследований в области сахарного диабета. В январе 2017 года, спустя два года, их препарат, по сути, тестируют на жителях крупного города, при поддержке государства. Я далек от обвинений и подозрений, но это совершенно не вяжется с моим опытом участия в разработке и тестировании медикаментов, во время которых нам приходилось бороться не только с протоколами исследований, но и с бюрократической машиной, и с порождениями страха перед потенциальными исками...

... также мне не понятно, как можно не видеть в ограничении распространения инсулиносодержащих препаратов на территории агломерации, как минимум нарушения антимонопольного законодательства, а, как максимум – Конституции и элементарных прав человека. Не говоря уже о том, как сумма всех действий и решений Якама Фармасьютикалс и профильных органов соотносится с медицинской деонтологией...»

Летом 2017 года профессор Уилсон Нэвилл скончался от сердечного приступа в возрасте пятидесяти трех лет.

На данный момент Якама Фармасьютикалс в содружестве с властями готовятся к старту проекта «Полноводье», который должен решить проблему очистки питьевой воды, назначенном на 28 августа 2020 года.

Доктор Лавина Аранда является почетным гражданином Сиэтла и лауреатом ряда государственных и международных премий и принимает активное участие в функционировании организаций защиты и поддержки коренного населения Америки, продолжая дело своего отца.

Она живет на юге Сиэтла в поместье «Дикий дуб».

Далее выдержка из статьи «Смерть Джеронимо Аранды/Падение Аякса».

Лавине Аранде было предъявлено обвинение в убийстве первой степени, высшей мерой за которое в штате Колорадо полагается смертная казнь.

Вернее, изначально было озвучено обвинение в убийстве второй степени, но после изучения доказательств и свидетельств людей, находившихся в окрестной зоне – произошла пере-квалификация на первую степень. Основным фактором в обвинении Лавины и попытке привлечения ее к уголовной ответственности по более тяжкой статье, стали показания техника, который указал, что получил деньги лично от мисс Аранды за повреждения механизма фуникулера. Согласно законодательству штата Колорадо, убийство, которому предшествовала подготовка, квалифицируется как убийство первой степени.

После выдвижения обвинений, Лавина Аранда провела несколько дней в тюрьме и была отпущена под залог с обязательством не покидать границы штата. К расследованию было привлечено ФБР.

Как указывалось выше обвинения строились в основном на показаниях свидетелей, вот некоторые цитаты из них:

Сесилия Ф.: «Мы с супругом находились в креслах за ними. Они начали ссориться буквально сразу, как только подъемник пришел в движение. После его остановки, ссора продолжилась. Оба много жестикулировали. Большею частью я слышала крик женщины. О чем был разговор, я не могу передать точно – был сильный ветер, до нас доносились обрывки фраз. Я помню, что, вроде как слышала, что она (Лавина) кричала, что «вынуждена буду избавиться от тебя».

Джером С.: «Я был в передних креслах. Вместе со своей девушкой. Мы слегка испугались – моя девушка, Глория, боится высоты, а тут еще эта парочка шумела. Я несколько раз обернулся, но смотреть в их сторону долго мне было неудобно. Как мне показалось, она (Лавина) несколько раз ударила пожилого мужчину рядом с ней. По моему лыжной палкой. Но утверждать точно не могу».

Крейг Ш.: «Они вели себя неадекватно еще в баре у подножья. Девушка кричала и нецензурно выражалась, я был вынужден сделать ей замечание, мы ведь были с детьми. Она так на меня посмотрела... Не удивлюсь, если именно она сбросила старика вниз».

Мария Х., горничная: «Утром я должна была прибраться в номере убитого. На дверях висела табличка «не беспокоить», я не стала входить и стучать. Из номера доносились громкие крики, большею частью кричала женщина. Я испугалась, хотела сообщить начальнику охраны, но не стала».

Основным доказательством также служила явка с повинной техника, который обратился в полицию сразу же как только узнал об инциденте. Из его слов стало известно, что Лавина Аранда заплатила ему пятьсот долларов наличными за несколько часов до инцидента, за то, чтобы тот, пользуясь служебным положением организовал остановку фуникулера по телефонному звонку Аранды. Свою просьбу она объяснила желанием сделать предложение своему парню в романтической обстановке.

Результатом расследования стало снятие всех обвинений с Лавины Аранды. Смерть Джеронимо Аранды была признана несчастным случаем. Показания свидетелей были расценены как нерелевантные, в большинстве своем основанные на личной неприязни к подозреваемой, так как многие из гостей трассы обращали на ее поведение до подъема в ресторане и баре у подножья Аякса. Судебно-медицинская экспертиза установила многочисленные переломы и ушибы, характерные для травм такого рода, послужившие причиной смерти, в крови был обнаружен алкоголь, но в незначительном количестве – травмы, подтверждающие бы физическое воздействие, приведшее к падению, установить было невозможно.

Свидетельства техника также не были восприняты надлежащим образом, так как существовало подозрение, что попыткой обвинить Аранду, он пытается отвлечь внимание от потенциальных обвинений в халатности, что привело к остановке фуникулера и отстегиванию рейки

безопасности, что, в свою очередь, привело к летальному падению Джеронимо Аранды. После выяснилось, что техник пребывал в Штатах нелегально, а его требования внести себя в программу защиты свидетелей, вызвали подозрения в несоответствии показаний действительности. Он был депортирован, его дальнейшая судьба неизвестна. Природу телефонного звонка объяснила сама мисс Аранда, указав, что взяла номер техника исключительно из романтических соображений, руководствуясь которыми она и позвонила ему, с целью пригласить на ужин. Видеозаписи камер видеонаблюдения оказались низкого качества, к тому же место трагедии находилось на значительном расстоянии от ближайшей камеры, и не позволяли сделать объективные выводы об инциденте, или, тем более, использоваться в качестве элемента доказательной базы обвинения.

На этом закончилась история смерти Джеронимо Аранды, прозванная в прессе «Падение Аякса». Столь вызывающее название данного инцидента многими расценивалось как безвкусное и пошлое, к тому же не имеющие в своих отсылках ничего общего с трагедией, но оно прочно укоренилось в медиапространстве. Этот факт стал достаточным для резонансного иска Лавины Аранды к средствам массовой информации, тиражирующим этот фразеологизм.

Суть иска заключалась в явных параллелях судьбы ее отца с Аяксом Теламонидом, окончившим, согласно мифам, жизнь, бросившись на меч. Аранду оскорбили подобные сравнения, косвенно утверждающие, что Джеронимо совершил суицид и гипотетически способные навлечь на Лавину обвинения в «доведении до самоубийства» или «оставлении в опасности». Во всяком случае, таковыми были одни из аргументов истца.

Суд частично удовлетворил требования истца, ограничив использования фразы «Смерть Аякса» в контексте произошедшего в Аспене и взыскал с ответчиков материальную компенсацию, которая была направлена Лавиной в организации поддержки коренного населения Америки.

Еще одним наследием случившегося в горах Колорадо, стало возникновение множества теорий разной степени смелости, объясняющие как смерть Джеронимо, так и дальнейшее становление Якама Фармасьютикалс и ее взаимоотношения с правительством. Вот некоторые из них:

- Лавина Аранда действительно убила своего отца, ради наследства и главенствующей роли в компании. Их отношения были далеки от идеала и, в определенный момент, нервы у Лавины сдали. По счастливому стечению обстоятельств, она избежала ответственности.

- Инцидент являлся заранее спланированной акцией. Аранда заранее выбрала равноудаленное от точек видеонаблюдения место с высотой, достаточной для летального исхода при падении. Техник же был либо ее любовником, либо заранее подкупленным. После остановки подъемника, Лавина, пользуясь почтенным возрастом Джеронимо и его общим плохим физическим состоянием, сбросила его вниз.

- Случившееся является проектом спецслужб, давно вознамерившихся убрать Джеронимо Аранду из-за его радикальной деятельности по защите прав коренного населения. Они использовали его дочь, зная о их натянутых отношениях и разногласиях в ведении бизнеса Якама Фармасьютикалс. Это объясняет последовавшую лояльность государственных органов к компании и легкость, с которой вышел в свет «Сахаптин 1Э».

- Лавина действительно убила отца и, будучи пойманной, предложила правительству сделку, по которой передала все наработки Якама Фармасьютикалс и, фактически превращала ее в завуалированный государственный актив. Это объясняет почему столь эффективный препарат как «Сахаптин 1Э» реализуется на бесплатной основе.

- Джеронимо совершил самоубийство после того, как узнал о тайной сделке, которую Лавина заключила с правительством у него за спиной. Не сумев повлиять на ситуацию, он бросился с тридцатиметровой высоты.

Так или иначе, в этой истории осталась масса вопросов, на которые вряд ли кто-то когда-то ответит. В 2018 году это попыталась сделать нидерландско-американская команда документалистов, создавшая фильм «Джеронимо Аранда: взлет и падение». Данный фильм был запрещен к показу и распространению по иску юристов Лавины Аранды.

В 2019 году журналист-расследователь Руперт Госсел, опубликовал первую часть своего расследования о Якама Фармасьютикалс под названием «Паутина Якамы. Тень Джеронимо». Статья повторила участь документального фильма. Спустя месяц после постановления решения суда Руперт Госсел вместе со своей гражданской женой Нэтэли Келли были найдены застреленными в квартире Госсела. Убийцу не нашли.

10

Выхода нет только из могилы.

Эту фразу очень любил повторять мой отец. По случаю и без, он озвучивал эту идиому, порой добавляя в начало «для настоящего мужчины...». Повзрослев, я много думал над этими словами. Скорее всего мой отец искренне верил в магию этой фразы, в ее сакральную истину. В конце концов мне начало казаться, что я понял – для него действительно выход имела любая ситуация, потому что он никогда не попадал в истинную, упоительную и парализующую Безысходность.

Естественно, что простому сталевару-работяги жизнь не бросала вызовов, которые заставили бы его усомниться в верности этой сентенции. Чем отягощалось существование моего родителя? Забытым дома ланчем и проблемами погашения кредита на автомобиль. Все это решалось тратой лишней пары баксов в заводском кафетерии и заемом денег у более удачливых коллег. А неприятное послевкусие можно было отполировать алкоголем и несколькими тумачками, адресованными моей матери, которая, по его убеждению, являлась источником львиной доли проблем.

Интересно, что бы делал мой отец, попади он в ситуацию, подобную той в которой находился он. Наверное бы напился в ближайшем пабе и пошел сдаваться полиции. Все-таки он верил в систему. В систему и виски. Ну. И еще в то, что найдет выход из любой проблемы, кроме той, что возникает на глубине шести футов под землей.

Я в систему не верил. Не сказать, что я был каким-то отъявленным анархистом или радикалом, или кем-то еще, подпадающим под определение антисоциальной личности. Просто я давно разуверился в ней. Еще в детстве.

Как иначе? Почему я должен верить системе, не способной защитить маленького мальчика от побоев отца? Что изменилось за прошедшие двадцать лет? Что должно заставить меня увериться, что система, которой наплевать на тирана, избивающего в пьяном состоянии свою жену и ребенка, вдруг с пониманием отнесется к моим утверждениям и мольбам разобраться в сложившейся ситуации?

Расследование проведено, доказательства признаны убедительными, а я – признан виновным. Об этом вторили экраны телевизоров, которые встречались мне в витринах магазинов и за мутными стеклами баров. Ближе к центру даунтауна я обнаружил свое изможденное лицо на экране электронного лайтбокса с жирной красной надписью «розыск». Ниже были приведены телефоны местной полиции и экстренной службы спасения. За меня обещалась награда.

Мне, вдруг, стало невыносимо интересно – если я сам заявлюсь в полицию, мне отдадут положенную награду? Формально ведь я помог полиции, так? Ведь в тексте на лайтбоксе, насколько я успел прочесть, не было указано никаких ограничений относительно того, кто может помочь полиции. А если им поможет в моем розыске какой-то, скажем, педофил? Ему дадут эти деньги? Или, если это будет обычный гражданин, но, в процессе написания заявления на получение причитающейся ему суммы он... скажем воткнет шариковую ручку в глаз полицейскому. Ему все равно дадут деньги? Черт, как это работает? Лия давно хотела поставить брекеты Адаму, все не хватало денег. Такая премия была бы кстати.

Может связаться с ней – пусть она сдаст меня. А в таких случаях полагается вознаграждение? Она все-таки моя девушка. Или ее вообще будут рассматривать как моего сообщника. Неплохо было бы изучить этот вопрос. Если за меня уже назначена награда (кстати, за живого или мертвого? Я словно брел по современному фронтиру), а я в бегах часов шесть, то, логично предположить, что чем дольше я буду скрываться, тем выше будет джек-пот. Неплохой бизнес-план, не так ли?

Изначально, я, не раздумывая, двинулся на север, через Бикон Хиллс. Пытаясь следовать своему плану, я придал лицу наиболее беззаботное выражение из имеющихся и уверенно переставлял ноги, пытаясь не выделяться из ряда немногочисленных пешеходов.

Моя фундаментальная ошибка состояла в том, что проложив свой путь через унылые и однообразные ряды малоэтажных домиков пригородного типа, я надеялся, что не буду притягивать любопытные взгляды. Во-первых, все эти клерки, юристы, экономисты и кто там еще может позволить себе небольшой дом с клочком земли недалеко от делового центра, должны были разъехаться по своим рабочим местам еще до того, как я вошел в кафетерий «У Эбби». Во-вторых, я лелеял робкую надежду, что своим, вроде как, спортивным видом не буду привлекать особого внимания. Ну, вроде как я – младший партнер какой-то там фирмы, типа «Неудачник и партнеры», у меня сегодня выходной, и я решил сменить беговую дорожку какого-то пафосного фитнес-клуба, продающего собственные протеиновые смеси на ресепшене, на моцион на свежем воздухе.

Воздух был не так уж свеж – раскаленный, застоявшийся и обжигающий он напоминал желе, через которое я прорывался к воплощению своего плана, о котором я старался не думать, потому что, если я начну – то сразу же осознаю, насколько он беспомощен и глуп. Спортивный костюм покрылся пылью и какими-то странными разводами. Футболка намертво прилипла к телу, залитая потом, который неустанно лил с меня, спровоцированный адской духотой и паникой, которая твердой коркой коросты покрыла мой безбрежный страх.

И черт бы с ним, с видом. Я более, чем уверен, что не он выдавал во мне чужака. Чужака во мне выдавало все остальное. Жалкого, напуганного, мелкого и ничтожного преступника, пытающегося не выделяться в районе добропорядочных граждан с достатком чуть выше среднего.

У меня уже давно была теория. Где-то в недрах человеческого тела есть орган, отвечающий за распознавание людей из своего круга. И этот орган продуцирует некие вибрации, которые ощущают лишь люди из твоего круга, твоего уровня достатка и обладающие теми же качествами, по которым социальный контракт втиснул вас в одну категорию. Если человек не чувствует этой вибрации – его поглощает дискомфорт, неприязнь к окружающим, которые со временем, а порой, и сразу трансформируются в агрессию. Именно желание пощекотать этот орган чувств и заставляет нас собираться на встречах выпускников, или подобных мероприятиях, насквозь пропитанным тошнотворным тщеславием, где мы купаемся в превосходстве над другими или упиваемся своей ничтожностью.

В общем, пока я преодолевал свой долгий путь быстрым шагом, порой переходя на бег, в окружении объектов американского одноэтажного ипотечного рая, жажда вконец одолела меня. Улицы были пусты, над асфальтом витала миражная дымка, и та, напоминающая о необходимости выпить воды. Я готов был припасть губами даже к грязной луже, не выжги безжалостное солнце подчистую, что хотя бы отдаленно содержало влагу.

Но тут мне на глаза попала старушка, бросившая вызов адской погоде, и силилась спасти небольшой палисадник подле дома, наполненный гортензиями и подсолнухами. Судя по всему, она не слышала о автоматических системах полива и не думала, что вода, которой она заливает клочок земли с цветами, испаряется, не успевая коснуться изможденных лепестков. Поймав ее внимательный взгляд, я отвернулся, пытаясь скрыть за дымчатой темнотой очков неловкость.

Молодой человек! – скрипучий окрик настиг меня, когда я уже почти миновал ее участок.

Секунду, взвесив варианты поведения, я предпочел повернуться, чем бежать, убеждая ее вызвать полицию или гражданский патруль, если он здесь есть.

– Мэм? – я беззаботно повернулся к ней и сделал шаг навстречу, призвав все навыки учтивости, дабы симитировать ту вибрацию, которую она привыкла чувствовать от соседей.

– Молодой человек, могу я поинтересоваться что вы делаете на нашей улице? – в голосе зазвучали угрожающие нотки, сублимировавшие все ее унылое пенсионное существование. Наверняка, она и считала себя гражданским патрулем.

Я сделал еще несколько шагов по направлению к ней, выигрывая время для обдумывания ответа.

– Здравствуйте, мэм. Меня зовут Джерри. Мы недавно переехали в дом через две улицы отсюда. У меня еще не окончился отпуск, вот я и решил пробежаться, заодно изучить окрестности. – пока я оговорил, мои глаза приковались к монотонной упругой струе воды. Она величественно и мерно вытекала из желтого шланга, который сжимала старушка маленькой рукой, усеянной пигментными пятнами.

– Джерри..? – она вопросительно и требовательно уставилась на меня, всем своим видом показывая, что она хозяйин положения, и ее судьба в моих руках. Вода текла, донося до меня волшебные звуки, которые может расслышать лишь человек, мечтающий о глотке прохладной, отдающей резиной и хлоркой жидкости.

– Макгуайер. – черт, мог бы придумать что-то получше. Я облизнул губы, хорошо, что за очками не видно моих глаз, жадно напьющихся желанием припасть к шлангу. Как бы двусмысленно это не звучало.

– Что ж мистер, Макгуайер, очень приятно. – судя по всему старушенция не видела этот фильм. Сталь в ее голосе смягчилась, но она не представилась. Судя по всему, мои ответы ее удовлетворили, и она сочла разговор оконченным. Как и я. Пока жажда не взяла верх.

– Простите, мэм. Не сочтите за наглость, но не позволите ли Вы мне сделать пару глотков. Я не рассчитал, взяв только бутылку.

Женщина подозрительно посмотрела на меня поверх очков.

– Если хотите, я предложу Вам свежий лимонад. – Мое сердце сжалось, а язык прилип к небу при мысли о запотевшем стакане, исполненном лимонным напитком с кусочками невообразимо холодного льда, но я взял себя в руки.

– Благодарю Вас, но воды будет достаточно, – указал я на шланг. Она утвердительно пожала плечами.

Я подошел к старушке, не сводящей с меня серых водянистых глаз, бережно взял из ее рук шланг и принялся жадно пить, склонившись над палисадником и подавляя в себе животную натуру, норовившую вырваться звуками из меня.

– А мы раньше не встречались? – послышалось над головой, вырывая меня из блаженной идиллии восполнения водно-солевого баланса.

Я отрицательно покачал головой и добавил, оторвавшись.

– Вряд ли, у меня хорошая память на лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.